

РАЗГОВОР С РЕКТОРОМ

НОВОСТИ

Всероссийская научно-практическая конференция «Философия человека и современное образование»

16 февраля на факультете философии человека прошла Всероссийская научно-практическая конференция «Философия человека и современное образование». Ученые, педагоги, представители общественных и государственных организаций рассмотрели вопросы теории и практики развития философии человека, культурологии и связей с общественностью как важнейших областей развития современного научного знания.

Программа занятий с учителями

24 и 25 февраля кафедра информационных технологий провела мастер-классы для учителей общеобразовательных заведений. Программа включала в себя занятия по применению информационных и коммуникативных технологий в образовании, знакомству с правовыми аспектами работы в Internet, web-технологиями и мультимедиа в образовании. Дополнительно были проведены семинары, посвященные созданию презентаций в Microsoft PowerPoint и web-сайтов в Microsoft Publisher. Отдельное внимание было уделено использованию новых технических возможностей в обучении.

Теоретический семинар «Тупики российской уголовной политики: криминологический аспект»

22 февраля Санкт-Петербургский криминологический клуб при юридическом факультете провел теоретический семинар «Тупики российской уголовной политики: криминологический аспект». В семинаре приняли участие известные специалисты криминологи из Санкт-Петербурга, Москвы, Пскова, Эстонии и Казахстана.

Научно-методическая конференция «Разработка и создание учебно-методической литературы нового поколения для детей с особыми образовательными потребностями»

27 и 28 февраля факультет коррекционной педагогики провел научно-методическую конференцию «Разработка и создание учебно-методической литературы нового поколения для детей с особыми образовательными потребностями». На конференции обсуждались вопросы, посвященные проблемам формирования и развития речи, а также формы психолого-педагогического диагностирования развития детей раннего и дошкольного возраста. Особое внимание было уделено учебно-методическим комплексам по географии и математике.

Управление внешних связей
РГПУ им. А.И.Герцена

По призванию Геннадий Алексеевич – физик. По профессии он уже 20 лет как ректор. 10 марта ректору РГПУ им.А.И.Герцена Геннадию Алексеевичу Бордовскому исполняется 65 лет. На вопрос о том, куда он больше всего любит ездить, Геннадий Алексеевич отвечает: домой! Придя к нему домой, я поняла, что это правда: уютная квартира, блины на столе, любимая жена. О любви, о музыке, о превратностях студенческой жизни рассказывает ректор Герценовского университета.

– Все мы родом из детства. Вы, я думаю, получили совсем не такое воспитание, которое получают современные дети.

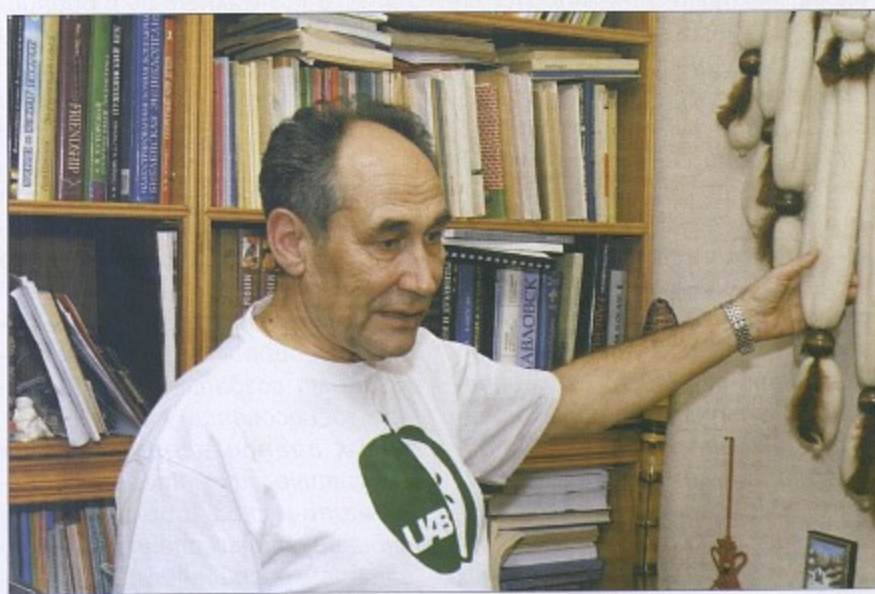
– Я получил бабушкино воспитание, чего сейчас практически нет. В то время детского сада у нас не было, яслей не было, шла война. Отец воевал, мать работала в школе. Это означало не только уроки, но и общественную работу. И ей, конечно, не хватало времени. Но зато была бабушка, неграмотная, воспитанная в староверческой семье. Она была исключительно душевным человеком. Передавала какую-то свою особую любовь, свое отношение. Не только к детям, а вообще к миру: к соседям, к природе. И вот это общение: рассказы, наблюдения – конечно, дало мне совершенно иной опыт, не тот, что получают современные дети, которых изначально воспитывают по определенной программе, обучают либо языкам, либо музыке. Наверное, сегодня невозможно иначе. Мы шли в школу, не умея ни читать, ни писать. Но тогда и школа была другой, с другой системой воспитания.

– Закончив школу, Вы сразу знали, в каком направлении пойдете? Чего Вы хотели?

– В мое время молодежь увлекалась двумя противополож-

нальными, чем многие профессионалы, выступающие сегодня на телевидении. Бардов отличают глубокие тексты, интересные мелодии, наводящие аудиторию на размышления, а не на некоторые механические движения. Вторая большая часть молодежи находилась под впечатлением космоса, освоения ядерной энергии, появления новой техники. Таких называли «физиками». Я должен был выбирать между двумя этими направлениями, потому что промежуточные, скажем, торговля или бухгалтерия, были совершенно непопулярны. Для себя я выбрал сферу точных наук. Под влиянием различных обстоятельств я поступал именно в педагогический институт. Во-первых, сказало то, что я вырос в учительской семье и жизнь школы была мне близка. Во вторых, повлияли те условия, в которых я жил. Тогда можно было поступать либо имея направление, которое дается выпускнику школы для поступления в вуз, либо отработав не менее двух лет на производстве.

В школе я учился очень хорошо, и мне хотелось учиться дальше. В сельской школе направление можно было получить или в сельскохозяйственный институт, или в педагогический. Иногда, очень редко, в медицинский вуз. Ни медицина, ни сельское хозяйство меня не привлекали, а вот

ными сферами деятельности. Одна – гуманитарная, «лирики». Увлечение литературой совпало с «хрущевской оттепелью». Тогда появились такие кумиры, как Андрей Вознесенский, Белла Ахмадулина, Булат Окуджава, Высоцкий и другие. Мощный всплеск и развитие получила авторская песня. Это была самостоятельность, но я считаю, что такие артисты гораздо более профессио-

нальный факультет педагогического института я выбрал с удовольствием. Я вскоре стал думать, что, может быть, буду заниматься наукой, а не преподавательской деятельностью. На втором курсе Извозчиков Валерий Александрович, ныне Заслуженный деятель науки РФ, а тогда аспирант второго курса, предложил мне поработать с ним в лаборатории, погрузиться в научные

исследования. Меня это очень привлекло. Успехи подстегнули меня, и я приобрел уверенность, что наибольшего успеха достиг-

вал здесь с первого до последнего дня блокады. Ленинград был в нашей семье вторым родным местом. Поэтому я приехал сюда. И

ну в научной сфере.

– Как Вы приехали в Петербург?

– Я ведь поступал, имея направление не в наш институт, а в Бийский педагогический. Это ближайший вуз от того села, где я жил и учился, и я мог поехать только туда, потому что в другой просто не давали направления. А вот там по результатам вступительных экзаменов лучшим абитуриентам предлагали на выбор несколько институтов, куда их могут направить. Мне предложили учиться либо в Куйбышевском педагогическом институте, либо в нашем Герценовском. Я безоговорочно выбрал ленинградский вуз. Перед этим, конечно, посоветовался с родителями, потому что уезжать – это было дело дорогое, затратное. От родителей я получил согласие, потому что мой отец вое-

вал такой был не один, нас образовалась целая группа из 25 человек, представителей разных сибирских городов.

– И Как Вас встретил наш город?

– Довольно приветливо. Ехать нужно было пять суток поездом с двумя пересадками, и сама дорога уже была для меня началом какой-то новой школы. Я ехал в общем вагоне. Там было огромное количество людей, из которых я смотрел с удивлением. Ехали демобилизованные солдаты, один из реабилитированных заключенных – был 1958 год, шел процесс реабилитации. Я получил новые впечатления от огромной страны. Конечно, я очень волновался, совершенно не представлял, куда я еду. Самое главное, что я взял с собой из дома рабочие вещи: сапоги и ватник. Все были убеж-

РАЗГОВОР С РЕКТОРОМ

К И Д Е А Л А М

дены, что студенты сразу должны ехать на уборку картошки. И меня отправляли не столько учиться, сколько работать на поля (смеется – О.М.). Надо сказать, что первый курс в том году не посылали.

Но вернемся к тому, как меня встретили. Выйдя из поезда, я сразу сел в такси и поехал на набережную Мойки, 48. Тогда не было свободного пропуска на территорию университета, везде стояли КПП, с вещами нельзя было ни войти, ни выйти. На вынос чемодана нужно было получить специальное разрешение. Один из контрольно-пропускных пунк-

ся, так эти бревна и лежали во дворе. Но зато были хорошие дрова у тех жильцов, что жили э т а ж о м выше: проректора по науке, проректора по учебной работе, секретаря парткома. Мы начали потихоньку топиться этими дровами, пока они не обнаружили, что дрова исчезают катастрофически быстро. Н а с п ы т а л и с ь уличить в вор-

овстве, а где-то к середине декабря дрова спрятали в подвал и закрыли на ключ. Просто представьте, что всю зиму наше общежитие не отапливалось. Когда стало невыносимо холодно, нам выдали по второму матрасу, чтобы укрываться. Отапливалась только кухня, где был газ. Вот там мы собирались и пили чай. Да, кстати, у нас была прекрасная столовая, лучшая в городе, и с продуктами проблем не было. Но с точки зрения температуры моя первая зима в Ленинграде была похожа на блокаду.

– Может быть, Вас согревала любовь?

– Дело в том, что в то время под любовью понимали любовь, имея в виду действительно какие-то отношения.

– Сейчас то же самое!

– Нет, сейчас под любовью понимают секс. Когда говорят «любовь», сразу идет разговор на эту тему. Вот, посмотрите по телевизору: лав, звонок и прочее-

цер ВМФ, попавший под сокращение, демобилизованные солдаты, люди с большим стажем, как шахтер из Воркуты, и ребята, поступившие по направлению, как я. Коллектив непростой, но я чувствовал удивительную доброжелательность. Меня приглашали на вечера, на прогулки, на концерты, за город. У меня

тов был под нашей знаменитой аркой. Я вошел, подал направление и спросил, куда мне. Мне сказали, что надо идти в жилищно-коммунальный отдел, туда, где сейчас находится психолого-педагогический факультет. Меня без всякого разговора попросили оставить вещи, дали квитанцию, чтобы я сходил и оплатил общежитие. Я оплатил, и меня поселили. Это было как в сказке – как будто меня тут ждали.

– И у Вас сразу началась взрослая студенческая жизнь.

– Взрослее некуда – для вчерашнего школьника, приехавшего издалека. Она была безумно интересна, но в то же время очень трудна. Меня поселили в общежитии на Казанской, 3. В нашей комнате жили 9 человек. Абсолютно разные и по возрасту, и по социальному положению. Офи-

сразу появилось много друзей. Особенно близки были те, которые приехали из Сибири. У нас было землячество. Все, кто из-за Урала, считали себя земляками... Это были незабываемые годы. Но и трудные.

– Чем трудные?

– Это было послевоенное время. Далеко не все было отремонтировано, студенческий городок был студенческим только наполовину. Двор был заставлен поленицами – почти все корпуса работали на печном отоплении. В том числе и наше общежитие. И никому до нас дела не было. В первую зиму нам привезли дрова в виде больших бревен, толстых и длинных, и дали топор. И больше нас не трогали. Не вооружили ничем другим, не организовали нас. Кто должен был это делать, где пилу взять? Никто ничем не занимал-

прочее – это не любовь. У нас в первую очередь были коллективные отношения. Наше общежитие было мужским, а в нынешнем пятом корпусе на третьем этаже было женское общежитие. И вот мы начинали дружить комнатами, организовывать вечера, праздники, совместные походы. Всегда была какая-то компания. И я даже не знал, как поступать, чтобы

один на один с девушкой куда-то пойти. У меня как-то не получалось. До тех пор пока я, наверное, не повзрослел. Тогда стало появляться больше времени. Со своей первой женой я познакомился, естественно, в общежитии. Ну, опять же, вечера, танцы. Стали гулять вместе. Решили пожениться через год разлуки, после того как она уехала работать по распределению, а я ушел в армию. Еще через год у нас родилась дочка. Это была самая настоящая студенческая свадьба, студенческая любовь...

– Вы сказали, что сейчас нет любви. Вы действительно так думаете?

– Что касается меня, то я не изменился, а сегодняшнюю молодежь я, наверное, очень плохо знаю. Я могу судить только по внешним проявлениям. Но достаточно сказать, что у нас под ручку пройти – это был сексуальный контакт. Молодой человек гуляет с девушкой под ручку – и это значит, что между ними очень сильная любовь. А если танцевали целый вечер вместе, значит, очень близки друг другу. А у нас же тогда танцевали парами, такие массовые танцы, как сейчас, были не приняты. И если один раз пригласил, то второй раз уже неудобно, даже неприлично: чего привязался? Знаете, это похоже на отголоски классических дворянских танцев, когда ангажировали на один танец, через два танца и так далее. Ну и, конечно, вы понимаете, что эти общежития, где живут по 5, по 7, по 11 человек в комнате, совсем не способствовали уединению и образованию каких-то псевдосемей. Хотя, конечно, всякое бывало. Были и скоротечные взаимоотношения. Но я в этом смысле оказался устойчивым.

– Я слышала, Вы увлекались джазом.

– Да, джаз был для меня открытием. В то время его называли «этим растлевающим влиянием Запада», и в глубинке джаз никто не слышал. По радио его не передавали, пластинок джазовых у нас не было. Мы знали только, что джаз есть и что это плохая музыка. Буржуазия, значит, пытается разложить нашу молодежь.

зыка у нас была всегда, это закон). На меня эта необыкновенная музыка произвела очень сильное впечатление. И я стал интересоваться ею специально. Мой приятель из Читы Сережа Светиков был фанатом джаза. У него была масса пластинок. Мы с ним смастерили гибриды патефона с радиолой, и у нас была возможность слушать эту музыку. Мы покупали самодельные пластинки на «костях» (подпольные пластинки на рентгеновских снимках). Один из наших ребят, что жили с нами в комнате, играл на джазовых инструментах. Периодически у него менялись интересы. То он на тромбоне учился играть, то на саксофоне, то ударником себя считал. Это была целая джазовая субкультура, и джаз, конечно, остался во мне юношеской любовью. Я и до сих пор очень люблю джаз, особенно классический.

– Если подводить итоги и признавать ошибки... О чем Вы сожалеете?

– Наверное, главная ошибка – это потеря дружбы, которая завязывалась в какие-то моменты жизни. Много было друзей, с которыми потом судьба разводила, с которыми ослабевали связи. Со временем я понял, что дружба – это более важное дело, чем мне когда-то казалось. Многие мои друзья остались какими-то очень молодыми и давно, в той жизни. А сегодня уже не так много друзей, и в основном это люди, с которыми я связан какой-то совместной деятельностью. И мне, конечно, жаль, что те студенческие друзья в большинстве своем уехали, ушли далеко от меня. Я думаю, что это самая большая потеря. В жизни бывают не только приобретения, конечно, но человеческие потери – самые печальные.

– Чем Вы гордитесь?

– Лично для меня предметом гордости является тот факт, что я работаю в этом вузе, который сформировал меня как специалиста и как человека. Здесь я нашел свое призвание и реализовал его. Мне довелось работать на очень разных должностях: и просто преподавателем, начиная с ассистента кафедры, и научным работником. Я работал старшим научным сотрудником в научно-исследовательском секторе и в профсоюзной организации. Это позволило мне в полной мере почувствовать, что значит нести ответственность за свое дело.

На должность ректора я пришел, имея достаточно большой опыт организации учебной деятельности, и этим, я думаю, можно гордиться. К тому времени, я уже принимал активное участие в открытии индустриально-педагогического факультета, в открытии военной кафедры. Это только часть тех дел, которые являются накапливающимся итогом жизни, и ими я, наверное, могу гордиться.

Я не разбрасывался, не терял того, что можно было приобрести в разных сферах деятельности. Я старался не потерять ни одной возможности, которая могла быть использована для того, чтобы наращивать свой потенциал. Этим я могу гордиться.

Корреспонденты «ПВ»
Ольга Макарова и
Константин Голомазов (фото)